

5. **Dijk, T. A. van.** The study of discourse // Discourse studies: A multidisciplinary introduction : In 2 vol. / Ed. by T. A. van Dijk. – London etc. : Sage, 1997. Vol. 1. : Discourse as structure and process. – P. 1–34.
6. **Кибрик А. А.** Дискурс. Дискурсивные маркеры / А. А. Кибрик. – М. : МГУ, 2010.

Джерела ілюстративного матеріалу

- Ахмадулина Б.** Влечет меня старинный слог. – М. : Эксмо, 2004. – 255 с.
- Булгаков М. А.** Театральный роман. По изданию: Михаил Афанасьевич Булгаков. Избранная проза. – М. : ИХЛ, 1966.
- Бунин И.** Собрание сочинений в 4 т. – Т. 2. – Библиотека журнала «Огонек». – М. : Правда, 1988. – 592 с.
- Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 4. – М. : Правда, 1969.
- Лесков Н. С.** Повести и рассказы / Н. С. Лесков. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. – 285 с.
- Пушкин А. С.** Осень (1833). – ФЭБ : Русская литература и фольклор / А. С. Пушкин. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol03/y03-318-.htm>.

Надійшла до редколегії 13.01.11.

УДК 811.161.1'367.626

О. Э. Руденко

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

ЯВЛЕНИЕ КОНТАМИНАЦИИ В СФЕРЕ МЕСТОИМЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале лексем *самый, сам, весь*)

Проаналізовано міжкласові гібридні слова (контамінанти) *самий, сам*, що об'єднують ознаки займенників і часток, а також міжкатегоріальний контамінант *весь*, який має властивості займенників, категоріально співвідносних з прикметниками і прислівниками.

Ключові слова: гібридні слова, контамінант, самый, сам, весь.

Проанализированы межклассовые гибридные слова (контаминанты) *самый, сам*, объединяющие признаки местоимений и частиц, а также межкатегориальный контаминант *весь*, имеющий свойства местоимений, категориально соотносимых с именами прилагательными и наречиями.

Ключевые слова: гибридные слова, контаминант, самый, сам, весь.

Hybrid words (contaminants) *same, self*, that unite the signs of pronouns and particles, and also contaminant *all*, which is characteristics of pronouns, category correlative with adjectives and dialects are analyzed.

Keywords: hybrid words, contaminant, same, self, all.

Русский язык обладает богатейшим арсеналом средств выражения тончайших оттенков мысли. Одни из этих средств изучены лингвистикой более полно, другие не исследованы или находятся в начальной стадии изучения. К числу последних необходимо отнести контаминированные единицы морфологического уровня.

Следует отметить, что анализ подобных явлений представляет особенные трудности для лингвистов. Исследования в данной области проводили такие ученые, как Г. Пауль [12], В. В. Виноградов [2], В. Н. Немченко [10], В. М. Никитевич [11], Е. Н. Сидоренко [15], Е. А. Федорченко [20; 21] и некоторые другие. Оп-

ределяя сущность контаминации, мы будем придерживаться традиционного толкования данного явления, отраженного в «Словаре лингвистических терминов»: «Контаминация – это взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или образованию новой (третьей) языковой единицы» [17, с. 206]. Иными словами, **контаминацию** следует понимать как совмещение признаков двух смежных единиц в третьей, приобретающей некоторые свойства предыдущих. Термин **контаминант** является производным от **контаминация** и обозначает единицу третьего порядка, совмещающую в себе в любой пропорции отдельные признаки двух смежных единиц.

Устанавливая основные принципы классификации контаминированных единиц, обратимся к теоретическим положениям, разработанным Е. Н. Сидоренко [15, с. 101–116]. С учетом принадлежности контаминанта к явлениям промежуточного характера (совмещение признаков разных частей речи) или периферийного характера (когда контаминант входит в какую-либо часть речи, но объединяет в себе некоторые свойства двух разрядов) автор разграничивает **межклассовую** и **внутриклассовую контаминацию**. **Внутриклассовые контаминанты** в сфере местоимений делятся на два подвида: **межклассовые** и **межкатегориальные**. К **межклассовым контаминантам** Е. Н. Сидоренко относит следующие единицы: 1) прономинально-предикативные контаминанты (*негде* и *под.*), совмещающие признаки местоимений и безлично-предикативных слов; 2) прономинально-конъюнкциональные (так называемые относительные местоимения, или союзные слова), совмещающие свойства местоимений и союзов; 3) прономинально-партикулянтные контаминанты (например, так называемые восклицательные местоимения, по другой терминологии – восклицательные частицы местоименного происхождения: *Какой* день!; *Сам* учитель задумался над решением этой трудной задачи), совмещающие признаки местоимений и частиц. К **межкатегориальным контаминантам** Е. Н. Сидоренко причисляет прономинативы, которые объединяют лексико-грамматические свойства двух групп по категориальной соотносительности (с именами существительными; с именами прилагательными; с именами числительными; с наречиями; с безлично-предикативными словами). Это наиболее часто наблюдается у указательных местоимений. Некоторые местоимения представляют собой результат межклассовой и межкатегориальной контаминации одновременно (прономинативы *который*, *какой*, *каковой*).

Целью настоящей статьи является анализ межклассовых контаминированных единиц *самый*, *сам*, а также межкатегориального контаминанта *весь*.

Вопрос частеречной принадлежности слова *самый* в лингвистической литературе представляется весьма спорным. Традиционные грамматики относят данное слово к местоимениям, однако ряд ученых имеют иное мнение (см.: [15; 18; 20; 16; 19 и др.]). Е. Н. Сидоренко предлагает назвать исследуемую единицу гибридным словом, совмещающим свойства местоимений и частиц, то есть прономинально-партикулянтным контаминантом, и в дальнейшем мы будем пользоваться предложенной терминологией автора.

В современном русском языке слово *самый* является полисемичным, и особенности его употребления зависят от того, какое именно значение данного слова реализуется в контексте.

При имени существительном в сочетании с указательными местоимениями *тот*, *этот*, *такой* контаминант *самый* употребляется для уточнения, усиления указания, имея значение ‘как раз’, ‘именно’, например: ... *оказалось, что этот самый русский Тяньзин* (то есть ‘как раз, именно этот русский Тяньзин, о котором идет речь’) *более чем наполовину заселен моими земляками из села Мона-*

стырського [1, с. 19]). В разговорном стиле *самый* в значении ‘так и есть’, ‘именно’ может присоединяться к предметно-личным местоимениям, внося в предложение семантику несомненности, например: – *Неужто и тут Воронин? – Он самый!..* [1, с. 254].

Следующий случай словоупотребления *самый* – использование его (в соответствующем роде, числе и падеже) в сочетании с именами существительными для выделения и подчеркивания сопровождаемого имени существительного. В этом случае М. М. Михайлов видит в слове *самый* «простое определение» [9, с. 22], А. А. Силантьева приписывает ему «роль выделительной частицы (= *даже*)» [16, с. 163]. Мы рассматриваем *самый* в указанном случае функционирования как прономинально-партикулянтный контаминант, имеющий значение ‘взятый сам по себе, как таковой’, например: *Самая тоскливость этих мест, куда я попал, показала мне довольно верным доказательством, что нефть здесь должна быть в большом количестве* [13, с. 44]. Функция выделения, в которой выступает слово *самый* в данном случае, допускает его синонимическую соотносительность с выделительной частицей *даже, даже и*, однако более точной, по нашему мнению, будет синонимическая замена контаминанта *самый* на *сам*. Последний здесь также примет значение ‘взятый сам по себе, как таковой’, например: *Он [Шацкий] как будто забыл об этом, но самое (// само) имя (то есть ‘само по себе имя’) Кара-Ада приводит его в беспокойное состояние* [13, с. 457]. Следует отметить, что данное словоупотребление *самый* уже стало устаревшим, в подавляющем большинстве случаев в современном языке вместо контаминанта *самый* здесь используется слово *сам*.

При именах существительных со значением места, пространства и времени *самый* создает семантику сосредоточенности, точности, то есть обозначает определенное и данное место или время, вычленяемое из пределов общего пространства. При этом исследуемый контаминант имеет несколько смысловых оттенков:

1) принимает значение ‘именно’, ‘как раз’, ‘непосредственно’, например: *На самой горе возвышалось что-то серое...* [1, с. 39–40]. Пространственные объекты, обладающие высотой, могут характеризоваться словом *самый* по признаку предельного проявления этого качества (то есть *самый* указывает на наивысшую точку определяемого объекта), например: *Поставив колышек в метре от воды, мы через каких-нибудь часа два-три видели, как он, будто бы украдкой от нас, уходил в воду, ... а на самой макушке обязательно сидела стрекоза...* [1, с. 137]. То же самое относится и к пространственным объектам, обладающим длиной. Здесь *самый* указывает на одну из крайних точек их протяженности, например: *В самом конце торговой узкой улочки ты можешь в конце концов натолкнуться ... на то, ради чего и приехал на ярмарку* [1, с. 161];

2) указывает на временной и пространственный предел (такое значение зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» (п. 3), однако «фактически *самый* не обладает собственным временным или пространственным значением, а лишь воздействует на лексическое значение сопровождаемых существительных, представляя его как указание на некое средоточие или крайний предел» [18, с. 438–439]. Таким образом, слово *самый* обозначает границу, крайний предел и функционирует в предложении не само по себе, а вместе с именем существительным, к которому относится, например: *Я знал, что не уйду со двора до самой ночи* [1, с. 35];

3) обозначает наибольшую приближенность к указанному месту, времени или событию, например: *Ниже заката, над самым морем, проносились из края в край голубыми снарядами зарницы* [13, с. 450]. Данное значение контаминанта

самый зафіксовано в п. 2 «Словаря современного русского литературного языка», его нельзя игнорировать, однако следует отметить, что значение приближенности в предложении, на наш взгляд, формируется не столько словом *самый*, сколько общим смыслом контекста (в частности, предложениями с пространственным и временным значением (*над, у, под, перед* и т. д., наречием *почти*), а контаминант *самый* указывает лишь на высшую степень этой приближенности, устанавливая синонимическую соотношенность с частицами *именно, как раз*.

При именах существительных, обозначающих явление или некие предметы, имеющие неопределенные границы, контаминант *самый* обозначает центр этого явления или предмета, например: *Это будет первая линия, которая прорежет самое сердце пустыни* [13, с. 460].

В сочетании с именами существительными, имеющими значение отвлеченного качества или количества, слово *самый* обозначает предел проявления количества или качества (то есть крайнюю, предельно высокую или малую степень последнего), например: *По мере того как наполнялось русло Баланды, выложенное по самой глубине и по крутым берегам тугой и вязкой глиной, ... река наполнилась все новой и разнообразной жизнью* [1, с. 137].

Семантической разновидностью данного значения слова *самый* можно признать указание на наивысший момент развития какого-либо явления или процесса, на их кульминационную точку, например: *Скачки были в самом разгаре, когда два слегка охмелевших друга подъехали на верблюде к ипподрому* [1, с. 164].

Контаминант *самый* используется в сочетании с качественными именами прилагательными как компонент их аналитической превосходной степени, например: *Экспедиция предложила самый совершенный, как ей казалось, способ добычи мирабилита со дна залива...* [13, с. 471]. *Кара-Бугаз известен как самое бурное место на Каспийском море* [13, с. 462]. Лингвисты по-разному определяют *самый* в данном случае функционирования (см.: [15; 16; 18 и др.]). Однако мнения ученых сходятся в том, что прономинальная семантика здесь у слова *самый* отсутствует и оно выполняет служебную, формообразующую функцию.

Слово *сам*, как и *самый*, исследовалось в ряде специальных работ (см. [3–8; 14; 18; 22; 23; 24; 25 и др.]), однако до сих пор ученые не пришли к единому мнению по поводу его частеречной принадлежности. Традиционно слово *сам* причисляется к определительным местоимениям, но есть основания не согласиться с такой точкой зрения. Вслед за Е. Н. Сидоренко [15, с. 131] мы разграничиваем прономинатив *сам* со значением ‘хозяин, глава (дома, семьи, предприятия и т. п.)’, например: *Эту проблему может решить только сам (руководитель, хозяин и т. п.)*, и местоименно-партикулянтный контаминант с выделительным значением. Рассматривая контаминант *сам*, отметим в нем свойства и признаки как прономинативов (наличие падежной, числовой и родовой парадигм, отсутствие постоянной закреплённости звукового комплекса *сам* за определенным явлением объективной действительности), так и частиц (функция обозначения усиления, противопоставления, отождествления и др.). Таким образом, намечаются два основных момента в семантике исследуемого слова: *сам* либо характеризует лицо или предмет, являющийся субъектом или объектом действия (в этом случае мы говорим о приименных или приместоименных связях *сам*); либо выражает различные способы и условия совершения действия (тогда имеют место приглагольные семантические связи данного контаминанта). Однако и в том и в другом вариантах словоупотребления *сам* согласуется с именем существительным или местоимением в роде, числе и падеже (но в первом случае эта соотношенность носит и формальный, и семантический характер, а во втором – только формальный).

Сам употребляется с одушевленными и неодушевленными именами существительными, а также с замещающими их личными местоимениями, выполняя подчеркивающую, выделяющую функцию, например: *Не станут сидеть молча и сами торговцы и продавцы* [1, с. 161]. *Да и само путешествие в намеченные места без Ваньки лишалось своей привлекательности...* [1, с. 59].

Располагаясь непосредственно между подлежащим и сказуемым, исследуемый контаминант обычно в какой-то мере распределяет свою семантику между главными членами предложения, например: *Этим-то пугачом я и прибью Ваньку насмерть – не в буквальном, разумеется, смысле, а просто Ванька сам умрет от зависти* [1, с. 159]. Располагаясь контактно по отношению к сказуемому, *сам* нередко объединяется с ним под одним словесным ударением или хотя бы выделяется сильным логическим ударением, вызывая ослабление словесного ударения соседних слов. Семантическое тяготение слова *сам* к сказуемому усиливается, если оно занимает дистантную позицию по отношению к имени, с которым сохраняет формальную связь, например: *Отец, однако, сам догадался сходиться к будущим сватам* [1, с. 41].

Примыкая к группе сказуемого, контаминант *сам* выражает различные способы и условия совершения действия, то есть может иметь разные значения: 1) ‘самостоятельно, без посторонней помощи’, например: *Лес как бы сам шел к людям в гости* [1, с. 46]; 2) ‘по личной инициативе, по своему желанию, без вмешательства и принуждения со стороны других’, например: *Может, дядя Яков сам спалил свою ригу* [1, с. 214]; 3) ‘лично, не замещая себя другим человеком’, например: *Открыв траурный митинг, Михаил Федотович сам же и произнес на нем единственную речь...* [1, с. 274]; 4) ‘непроизвольно’, например: *Приблизясь вплотную, останавливаясь, снимаю кепку – рука сделала это сама, я даже не заметил как* [1, с. 284]. В рассмотренных случаях слово *сам* становится самостоятельным членом предложения – обстоятельством образа действия.

Специфика контаминанта *весь* заключается прежде всего в том, что он относится не к межклассовым, а к межкатегориальным гибридным классам слов. Это значит, что в нем сочетаются свойства не двух частей речи (например, местоимения и частицы, как у слова *самый*), а некоторые свойства двух групп местоимений: категориально соотносительных с именами прилагательными и наречиями, например: *Дом весь был освещен лучами весеннего солнца*.

Слово *весь*, согласуясь с определяемым именем существительным, легко может утрачивать смысловую связь с этим именем существительным и, тяготея к глаголу-сказуемому, выражать обстоятельственные оттенки. Обстоятельственное значение слова *весь*, слабо осязаемое в препозитивном положении, отчетливо проявляется в том случае, если рассматриваемое слово употреблено после имени существительного, с которым оно грамматически связано, например: *Отец за эти дни весь как-то почернел, постарел и осунулся. ... и люди не заметили, как жеребенок почти весь оказался на полу* [1, с. 33]. В приведенных примерах слово *весь*, сохраняя грамматическую связь с именем существительным, указывает на меру и степень действия, принимая значение ‘целиком, полностью’.

Обстоятельственное значение слова *весь* еще более усиливается, если оно употреблено после глагола-сказуемого, например: *Петр Михайлович как-то обмяк весь, бессильно опустился на лавку...* [1, с. 103]. В рассматриваемом случае словоупотребления контаминант *весь* может стоять в одном ряду с другими обстоятельствами, которые уточняют и раскрывают его значение, например: *Катер весь, сверху донизу, был покрыт толстым слоем блестящей краски*.

Таким образом, слово *весь* в им. падеже ед. числа, употребленное после определяемого им имени существительного, указывая на меру и степень действия

или качества, выполняет функцию обстоятельства, особенностью которого является то, что оно во всех формах согласуется с именем существительным.

Реализуя свое обстоятельственное значение меры и степени качества, контаминант *весь* может характеризовать дополнительное действие, названное деепричастным оборотом, например: *Большой и сильный, он [Муратов] ... приседал передо мною на корточки, мягко брал за уши, подтягивал мою голову поближе к своей и, **весь** светясь и сияя, долго разглядывал меня черными выпуклыми беркутиными глазами...* [1, с. 204–205]. Имея данную семантику, слово *весь* способно также характеризовать признак и относиться как к глаголу, так и к имени прилагательному и причастию, например: *Больной лежал неподвижно, **весь** бледный и худой. Ребенок вернулся с прогулки **весь** измазанный песком.*

Немаловажно отметить роль прономинально-партикулянтных контаминантов *самый* и *сам* как усилителей перлокутивного эффекта в структуре речевого акта. Перлокуция – результат речевого воздействия на слушающего – это то, ради чего происходит общение между людьми. Без этого воздействия оно было бы лишено смысла. До сих пор, однако, лингвисты не могут сформулировать правила, которые бы во всех случаях предсказывали и объясняли перлокутивный эффект. Но средства повышения вероятности того, что перлокуция будет соответствовать ожидаемой, давно определены прагматикой. К ним относятся способы усиления искренности (*Я искренне признателен вам за помощь*), глаголы с высокой интенсивностью иллокуции (*клясться*), выбор обстоятельства, усиливающего воздействующий эффект (*торжественно обещаю*) и т. д.

Способность прономинально-партикулянтных контаминантов *самый* и *сам* повышать перлокутивный эффект связана с их смысловой спецификой. Именно семантика частицы (как правило, усилительной), наблюдаемая у гибридной единицы *самый*, а также значение указания на лицо или другое живое (или неживое при олицетворении) существо, являющееся субъектом действия, присущее контаминанту *сам*, позволяют использовать слова *самый* и *сам* как средства повышения перлокутивного эффекта. Так, контаминант *сам* характеризует способы и условия совершения действия, акцентируя внимание на роли субъекта как инициатора или производителя действия, например: *Кто-то догадался, что надо сначала спроводить Ласточку, тогда Карюха **сама** выйдет* [1, с. 12].

Контаминант *самый* со значением ‘как раз’, ‘именно’ употребляется для уточнения, усиления указания, например: *Ненавистна была эта **самая** просеянка потому, что принимала личину злака...* [1, с. 118]. Относясь к имени существительному с семантикой пространства или времени, *самый* передает смысл сосредоточенности, точечности, вычленяя определенное место или время из пределов общего пространства или темпорального континуума, например: *А на печке, забившись в **самый** угол, плакала Катька* [1, с. 196]. *Они [птенцы] опушились, сделались похожими на мягкие шары из ваты – **самое** время взять одного, принести в сад...* [1, с. 145]. При именах существительных, обозначающих явления или предметы, рассматриваемый контаминант акцентирует внимание слушающего на центре этого явления или предмета, например: *Вот это ты в **самую** точку попал, Соловей!* [1, с. 202].

Функция усиления перлокутивного эффекта имеет место в случае использования слова *самый* в составе аналитической превосходной степени качественного имени прилагательного, например: *Карюху вывели на **самое** светлое, солнечное место двора* [1, с. 34].

Гибридное слово *весь* усиливает семантику меры и степени действия, называемого, как правило, глаголом-сказуемым, например: *... Гринька осветился, просиял **весь** от собственной решимости* [1, с. 196].

Библиографические ссылки

1. **Алексеев М. Н.** Карюха ; Драчуны : Диалогия / Михаил Алексеев. – М. : Худож. лит., 1985. – 287 с.
2. **Виноградов В. В.** Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие [для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.»] / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
3. **Горбачевич К. С.** *Саму или самоё?* / К. С. Горбачевич // Русский язык в национальной школе. – 1966. – № 2. – С. 35–40.
4. **Кибрик А. Е.** Дискурсивные слова как маркеры нетривиальных операций над значениями : (Наблюдения над лексемой «сам») / А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова // Труды Международного семинара «Диалог'95 по компьютерной лингвистике и ее приложениям», Казань, 31 мая – 4 июня 1995 г. – Казань, 1995. – С. 133–139.
5. **Кибрик А. Е.** Связанные употребления лексемы *сам* : (Системно-когнитивный анализ) / А. Е. Кибрик // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М. : Индрик, 1996. – С. 494–509.
6. **Коробчинская П. А.** Местоимение *самъ* в древнерусском языке / П. А. Коробчинская // Доповіді та повіді Львівського університету. – 1955. – Вып. 6, ч. 1. – С. 143–148.
7. **Костомаров В. Г.** Особенности изучения местоимений *сам* и *самый* / В. Г. Костомаров // Из опыта преподавания русского языка нерусским. – М. : Мысль, 1961. – С. 38–49.
8. **Кузнецов А. М.** К истории форм *сам* и *самый* в русском языке / А. М. Кузнецов // Вестник Москов. ун-та. – М., 1997. – № 4. – С. 49–67. – (Серия 9 «Филология»).
9. **Михайлов М. М.** Значение и употребление местоимений *самый* и *сам* / М. М. Михайлов // Русский язык в школе. – 1957. – № 2. – С. 22–26.
10. **Немченко В. Н.** О разграничении частей речи в русском языке : (Имена прилагательные в их отношении к другим частям речи) : Из лекций по спецкурсу / В. Н. Немченко. – Горький : Горьк. ун-т, 1975. – 79 с.
11. **Никитевич В. М.** Переход, конверсия, транспозиция / В. М. Никитевич // Русское языкознание : сб. ст. – Алма-Ата : КГУ, 1971. – Вып. 1. – С. 102–108.
12. **Пауль Г.** Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. – М. : Наука, 1960. – 500 с.
13. **Паустовский К.** Собрание сочинений : в 9-ти т. / Константин Паустовский. – М. : Худож. лит., 1981. Т. 1 : Романы и повести. – 1981. – 623 с.
14. **Přemysl А.** Рефлексивность и местоимение *сам* / А. Přemysl // Rev. des études slaves. – P., 1994. – Т. 66, fasc. 3. – С. 437–440.
15. **Сидоренко Е. Н.** Очерки по теории местоимений современного русского языка / Е. Н. Сидоренко. – К.–Одесса : Лыбидь, 1990. – 148 с.
16. **Силантьева А. А.** Лексико-семантические свойства *самый* в современном русском языке / А. А. Силантьева // Ученые записки Москов. обл. педагог. ин-та. – 1970. – Т. 278, вып. 17. – С. 161–167.
17. **Словарь лингвистических терминов** / [сост. : О. С. Ахманова]. – [2-е изд.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 605 с.
18. **Тагамлицкая Г.** О грамматической природе слов *сам* и *самый* / Г. Тагамлицкая // Известия АН СССР. – 1969. – Т. 28, вып. 5. – С. 437–444.
19. **Ушакова Л. И.** Местоимения и их аналоги / Л. И. Ушакова // Русский язык в школе. – 1998. – № 1. – С. 85–90.
20. **Федорченко Е. А.** Местоименные контаминанты в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Федорченко. – М., 1995. – 20 с.
21. **Федорченко Е. А.** Местоименные контаминанты в художественном тексте / Е. А. Федорченко // Семантика лексических и грамматических единиц. – М. : МПУ, 1995. – С. 46–51.
22. **Шапиро А. Б.** Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке (лексико-синтаксические заметки) / А. Б. Шапиро // Труды Института русского языка – М. : ИАН, 1950. – Т. 2. – С. 3–37.

23. **Шварцкопф Б. С.** «Сам идет, самоё ведет» / Б. С. Шварцкопф // Русская речь. – 1967. – № 6. – С. 60–64.
24. **Шварцкопф Б. С.** Еще раз о местоимении *самоё* / Б. С. Шварцкопф // Русские местоимения : семантика и грамматика. – Владимир : ВГПИ, 1989. – С. 68–82.
25. **Шведова Н. Ю.** Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Исследования по грамматике русского литературного языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 247–341.

Надійшла до редколегії 14.07.10

УДК 811.111

Yu. V. Serdechny

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

SELF-CORRECTION SKILLS AS PART OF EFL STUDENTS' AUTONOMY

Розглянуто поняття автономії учнів при навчанні іноземним мовам та шляхи її створення. Особливу увагу приділено методиці самоконтролю як важливому засобу досягнення автономії. Запропоновано завдання для розвитку у учнів навичок самоконтролю.

Ключові слова: навчання англійській мові як іноземній, автономія учнів, оцінювання, виправлення помилок, самоконтроль.

Рассмотрено понятие автономии обучаемых при изучении иностранных языков и пути ее создания. Особое внимание уделено методике самоконтроля как важному средству достижения автономии. Предложены задания на развитие у обучаемых навыков самоконтроля.

Ключевые слова: обучение английскому языку как иностранному, автономия обучаемых, оценивание, исправление ошибок, самоконтроль.

The article deals with the notion of learner autonomy in a foreign language class and ways of achieving it. Special attention is given to self-correction methodology as a major means of promoting autonomy. Activities to develop students' self-correction skills and habits are suggested.

Keywords: EFL teaching and learning, learner autonomy, evaluation, error correction, self-correction.

In present-day methodology of teaching foreign languages the problem of learner autonomy arouses mixed feelings and lot of debates. While some educators hail it as a logical way forward, others regard it with deep suspicion, fearing it will put teachers out of job or cause unmanageable chaos in the classroom.

But, as Jon Taylor points out, learner autonomy «might best be described as a road along which teachers guide learners so that they can make the most of the journey» [7, p. 8]. He adds that there may not be the final destination at all, in the shape of complete autonomy, as most students will probably always remain teacher-reliant to some degree.

Given the current relevance of the problem, we may find a whole number of research works dedicated to different approaches to and aspects of learner autonomy. Its general issues as well as questions of self-correction in the English as a foreign language (EFL) teaching and learning have been addressed by such researchers as M.A. Antunes (2002), K. Jackson (2003), J. McDonough & C. Shaw (1983), E. Salter (2006), J. Taylor (2002). Let us make a brief overview of their theoretical theses and practical recommendations for foreign language (FL) teachers and learners.

All of the authors are unanimous about the increasing role of the learner in modern FL classroom. Implicit in many of their ideas is the point that the role of the teacher and